

ДАХА ТАРАТОРИНА

Крапива
МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ

Даха Тараторина

Крапива

ПЛЕЙЛИСТ

1. «Сны Саламандры» — «Спящая в огне»
2. «Сны Саламандры» — «Княже»
3. Кошка Сашка — «Враг»
4. Канцлер Ги — «Полынь и ковыль»
5. Канцлер Ги — «Единственный враг»
6. Полад Бюльбюль оглы (из к\ф «Не бойся, я с тобой») — «Как жили мы борясь и смерти не боясь»
7. WaveWind — «Пташечка»
8. «Марко Поло» — «Чужестранка»
9. «Калевала» — «Нагрянули»
10. «Мельница» — «Дороги»
11. Sofia Scar — «Царевич мой»
12. «Мельница» — «Царевич»
13. «КняZZ» — «Брат»
14. «Король и Шут» — «Забытые ботинки»
15. Екатерина Яшникова — «Пуля»
16. «Оля и Домовые» — «Крапива»
17. Яна Крапива — «Тело»
18. Green Apelsin — «Северный ветер»
19. Татьяна Куртукова — «Одного»
20. «Мельница» — «Прощай»
21. Владимир Высоцкий — «Книжные дети»
22. Полина Гагарина — «Кукушка»

ГЛАВА 1

ДЕВКА БЫЛА ДИВНО хороша собой. Статная, ладная, златовласая, что пшеница в лучах восходящего солнца. По той пшенице она и шла, временами кланяясь борозде да собирая что-то в корзину, вишащую на локте.

Княжич придержал коня — полюбоваться. Девка, видно, поднялась давненько, и ей, в отличие от Власа, никто к пробуждению трапезы не готовил. Сама мозолила тронутые загаром руки, сама в поле трудилась, сама и по хозяйству... Влас таких обыкновенно не привечал. К чему? Труженицы рано старели, привычно горбились, и кожа их покрывалась пятнами рыжины, что меч ржавчиной, коли его долго не пускать в дело. Эта же иная. Когда нагибалась, спину держала ровно, а не дугой, кожу словно целовало какое-то другое солнце, ласковое и доброе, а не то, каковое припекает на самой окраине Срединных земель к макушке лета. А когда нырнула в золотые волны двузернянки, будто нарочно выставив напоказ округлые бедра, обтянутые понёвой, Влас и вовсе распустил ворот рубахи. Зной покамест не опустился на поля, а жарко вдруг стало...

Седовласый дядька поравнялся с княжичем, кивнул на девку:

— Подозвать?

Влас махнул смоляной головой, поглазел еще малость и звонко свистнул в два пальца.

Девка так и подскочила, выронив корзину, а веселые парни, до того затаившие дыхание, подобно господину, залились смехом. Отдышавшись, она сощурилась против солнца и признала молодца. Сказала, поскупившись на поклон:

— Здрав будь, княжич.

Влас повернулся в седле и упер руку в бедро:

— И ты здравствуй, красавица.

Однако дальше разговор вести девица не спешила. Дождалась, пока хохот утихнет, обвела малую дружину хмурым взглядом да пошла подымать корзину. Влас все больше привык к девам улыбчивым, смешливым. Такие сами норовили подойти к нему ближе, ненароком коснуться запястья, а то и шепнуть на ухо ласковое слово. Шутка ли? Мало того что княжич, так еще и хорош собой. Эта же улыбкай никого не одарила. Да и умела ли?

Первым неладное заподозрил дядька. Кому, как не ему?

— Будет, княже. Нас дома ждут.

Но Влас привычно отмахнулся от старика:

— Подождут. Эй, славница! Что не весела?

— Некогда веселиться, — был ответ. — Работать надобно.

— А ты передохни, присядь. — Влас хлопнул себя по бедру, дескать, прямо сюда и садись. — А мои молодцы за тебя потрудятся.

Дружники снова загоготали, что стадо гусей:

— Ты, княжич, небось тоже без дела сидеть не будешь? Пока мы трудиться в поле станем, потрудишься над девкою?

Влас показал белые зубы: сами гадайте, стало быть.

Девка метнула тяжелый взгляд парням за спины — туда, куда убегала пыльная колея. По ней приехали всадники, по ней чуть раньше пришла и она. Нынче, чтобы вернуться в деревню, следовало обогнуть дюжину оружных мужей да их жоака, скалящегося не хуже волка.

Славница ровно и тихо проговорила:

— Не сердчай, княжич, что не по чести тебя приветствую. Я с родовитыми говорить не обучена.

— Так я тебя обучу, — с готовностью пообещал Влас, — знай слушай!

Она медленно покачала головой:

— Слыхала я, что и без меня тебе нашлось кого учить. Неужто Матка не уважила, меду не поднесла, рядом дочь не посадила?

Старшая в деревне, Матка Свея, и впрямь уважила его как следует. Мед был сладок и пьян, а дочь ее, что слыла первой красавицей в Тяпенках, добра и ласкова. Да не по сердцу. Где уж тут разгуляться молодому горячему парню, когда дядька нашептал: хитрая Свея не просто так отправила к нему любимицу. Зачнет от княжича наследника — и станут Тяпенки зваться Срединной землей шляхам поганым назло. А княжич возьми да и заупрямься. Словом, не веселие, а обида одна! Оттого княжич хоть и пировал вдоволь, и наплясался, а силушку молодецкую не растратил, да и хмель из буйной головы выветрил не до конца. А тут — девка! Да норовистая... Да та, что на пир не явилась, не пожелала поклониться щедрому господину.

Еще дядька масла в огонь подлил:

— И то верно, княжич. Не таких тебе учить, не стоит того.

— Что я вам, жеребец племенной?! — взбунтовался Влас.

Конь под ним заржал, почуяв злость хозяина, а дядька смущенно потупился.

— Сам решу, кого и чему... учить.

— На то твоя воля, княжич, — не стала спорить девка и... пошла прочь прямо через поле.

Дружники не преминули подшутить:

— Что, княжич, уплыла рыбка? Али крючок маловат для такой добычи?

Власа в краску так и бросило!

— А ну, стой! Ты, девка!

Златовласая лишь ускорила шаг.

— Сюда иди! Вот же Лихо! Привести ее, живо!

Парням только прикажи: гикнули, хлестнули поводьями да поскакали наперерез упрямыце — только отяжелевшие колосья под копытами захрустели! Девка метнулась вправо-влево, кинулась в сторону леса, да куда там! Длинноногие зверюги снова и снова отрезали ей путь, теснили к княжичу.

Наконец добыча попалась, хотя и сверкала синими глазищами непокорно да корзину к груди прижимала так, что, окажись на ее месте шея Власа, придушила бы. А так еще краше! Вопревшая, с растрепанной косой, высоко вздымающейся грудью...

— Что бежишь? Думаешь, обижу?

Влас нагнулся с седла — погладить дуреху по щеке, но та шарахнулась, словно от черной хвори.

— Да что ты как дикая, ну?

— Не тронь, княжич. Заклинаю: не тронь! — глядя в землю, попросила она.

— Не то что?

Златовласая замотала головой:

— Тебе же хуже будет. Не тронь, пусти домой...

Позади вновь слышались смешки. А тут еще и дядька:

— Влас, ну ее. Не трогай. Больная небось.

— Больная, — подтвердила упрямица.

Княжич досадливо дернул поводья, конь едва на дыбы не встал.

— А что, Несмеяныч, мне нынче трогать дозволено только того, на кого ты укажешь?

Дядька заладил свое:

— Поехали...

— Вот ты и поезжай. А я... управлюсь и догоню.

Девка затравленно озиралась. Неужто никто не спасет?! Но везде, куда ни глянь, только чужаки, да и свои, что уж, не бросились бы на подмогу: кому охота с наследником самого Посадника ссориться? Да и ради кого...

И дуреха побежала. Быть может, стой она смиренно, обошлось бы. Но страх кусал за пятки, куда тут думать да гадать? И княжич кинулся следом.

Конь в два прыжка нагнал бы беглянку, но Влас травил ее долго, рисуясь перед дружиной. Те знай подначивали:

— Хватай, хватай! Быстра пташка! Лови, княжич!

Девка небось уже поверила, что спасется, когда Влас поймал ее на самом краю поля, ловко подсек плетью да повалил. На ходу спрыгнул с седла, и жеребец проскакал еще добрых полверсты, прежде чем понял, что всадник пропал, и остановился. Конь фыркнул и опустил голову в пшеницу — полакомиться. Все одно хозяина не видать.

А хозяин с девкою вместе уже возились в золотых зарослях.

— Куда, дура?! Стой!

Девка не слушала. Визжала, билась, как рыбешка, словно нарочно кипятила княжичу кровь. Влас хватанул за ворот, тот затрещал, открывая налитую девичью грудь... Куда там до дядькиных упреждений! Княжич навалился сверху и принялся рвать. Рубаху, сарафан, косу — поди разбери! И целовал жарко, безумно, больно. На девкиной шее мигом расцвели алые цветы. Остатки рубахи скользнули по плечам, юбка задралась до пояса. Вот-вот охота завершится!

— Пусти, пусти!

Но летний зной, что еще не накрыл поле, успел затуманить молодцу голову.

— Красивая... Дай тебя... Не кричи, тихо, тихо...

И тогда девка затихла. Не то уговоры послушала, не то поцелуям сдалась.

А вот Влас заорал. Жгло так, будто ненароком ступил на раскаленные камни в бане. Да не ступил, а целиком провалился в яму, такими камнями выложенную. Кожа будто слезла с костей, а пахло жженой травой.

Девка, глотая слезы, отползала. Обрывками одежды она прикрывала наготу и все лепетала:

— Просила же... Не тронь...

Но княжич не слушал. Он катался, подминая под себя пшеницу. И не разобрать: не то горит, не то заживо варится...

Дружники с седым дядькой спешили на крик, еще не ведая, что опоздали: ожог растечется по всему телу и будет мучить молодца несколько дней, поку-

да свежие шрамы не покроются уродливой коркой. И не станет больше красавца княжича, на которого тайком али напрямую заглядывались девки. Будет только изуродованный дурак, польстившийся на кусок, что не по зубам ни одному мужу.

Жила девка особняком, на краю деревни. И все в Тяпенках знали, что трогать ее не след. Потому что звалась девка Крапивой.

* * *

Не заложи нелюдимый батька избу на самом краю деревни, Крапива со стыда бы сгорела, пока добиралась домой. Рубаху княжич изодрал в клочья, и, правду молвить, девка ничуть не жалела о монете, которой отплатила молодцу. Но, узнай кто о случившемся, ее, Крапиву, первой бы и наказали. Матка Свея разве что не на цыпочках перед гостем ходила, пир устроила.

Вот и хоронилась девица от всякого встречного. Благо было их немного: праздник удался на славу, и мало кто не воспользовался дозволением Свеи повеселиться на нем. Оттого те, кто ночью плясал бойче, поутру подняться не смогли. А княжич, поглядите-ка, коня оседлал да отправился восвояси с самым рассветом! Чтоб ему!

Порожней идти было непривычно. Корзина, едва отяжелевшая от сочных корней огнецветы, так и осталась в поле. Но ноги унести от Власа было куда как важнее. Вернуться бы, подобрать, покуда кто другой не отыскал... Всем же ведомо: только травознайка и собирает сорную траву, что прячется в пшенице. А найдут — станут спрашивать, почему бросила да что случилось.

Крапива едва успела порадоваться, что добралась незамеченной, когда ее окликнули звонким голосом:

— Крапива! Эй, что прячешься?! Крапива! — Подруга бросилась к ней прямо через смородину, с треском ломая кусты. — Ох, где это ты так?!

Ласса сызмальства была не то до одури честной, не то такой же глупой. Вот и нынче девка заголосила так, что проще было сразу все Тяпенки созвать полюбоваться. Крапива приложила палец к губам — тихо, дескать.

— Что? — во весь голос удивилась подруга. — Где одежу попортила, спрашиваю! Али обидел кто?! Али... с молодцем миловалась?

Нет уж. Эту, пока не расскажешь, не угомонишь. Травознайка потянула Лассу за рукав и с нею вместе схоронилась в пышных зарослях. Осмотрела с ног до головы и велела:

— Платок дай — срам прикрыть.

Подруга не пожадничала. Тут уж вся в мать: Своя тоже наперво о деревне заботилась, опосля уже о себе. И никто не мог попрекнуть, что Матка нажила свое добро обманом.

— Случилось-то что?

Крапива завернулась в платок вместо рубахи. Издали вроде ничего...

— Пошла за травами, да попался сорняк пристаучий, — процедила она сквозь зубы.

— Это что же за сорняк такой, что всю одежу тебе попортил?

Ласса подняла с земли лоскуток, прежде бывший вышитым рукавом, и подала подруге. Подала осторожно, чтобы не коснуться пальцев. В Тяпенках-то Крапивин недуг ни для кого не секрет.

Крапива вздохнула и села. Обняла колени и с трудом подавила всхлип:

— Только никому!

— Никому! — пообещала Ласса.

— Даже мамке! Мамке — особенно!

Маткина дочь закусилась русую косу от волнения:

— А ежели спросит?

Крапива равнодушно пожала плечами:

— Тогда не расскажу.

Только многолетняя привычка удержала Лассу и не позволила вцепиться подруге в плечо.

— Никому! — побожилась она и положила на язык щепоть земли в доказательство.

— Княжич ваш... Я в поле была, он мимо ехал с дружиной. Ну и... загорелось ему.

Ласса ахнула:

— И он тебя...

Улыбалась Крапива неумело, и улыбка ее обыкновенно больше пугала. Так случилось и в этот раз.

— Куда ему.

Ласса побледнела:

— Ты — его?!

— Сам виноват.

— Крапивушка, милая, да ты что? Как так-то?

Ласса вскочила, и пришлось дернуть ее понёву вниз, чтоб девка не помчалась к мамке немедля.

— Ты побожилась! — напомнила Крапива.

— Матушка всё одно прознает! Как так-то... Мы же его... и медом, и пирогом мясным...

— И тобой, — напомнила Крапива.

Ей всеобщее желание тяпенских угодить княжичу было что кость в горле. Накормить, напоить, девку под него подложить... Да не какую-нибудь, а вот эту дуреху, что супротив мамкиного слова ни-

почем не пойдет. Ишь, королевич нашелся! Оттого травознайка на пир не явилась, хотя и звали. Она шляхов, что каждую осень приезжали за данью, тоже не любила. Но те хотя бы девок против воли не трогали — не по ихним правилам такое. А срединники, как приезжали, после себя оставляли девиц с красными от слез глазами. И все ведь опосля к Крапиве на поклон шли — просить вар, чтобы не случилось чего.

— Так то княжич! — удивилась подруга. — Как его не угостить?

— Вот я и угостила.

Ласса от досады изжевала всю косу: вроде и матушке надобно доложить, и подруге обещала. Красивая девка. Добрая. С малых лет такая была. Иные дети к Крапиве и близко не подходили, Ласса одна не боялась с хворобной дружбу водить. Потому Крапива и печалилась, видя, как Матка Свея пристраивает любимицу повыгоднее, не спросив, чего дочь хочет, не узнав, кто сердце тревожит. Да Ласса и сама не решилась бы матери перечить. О сердечных делах только подруге поведать можно, да и то вполголоса. Куда ей Крапивину беду понять!

— Пойду я, пока не увидел еще кто. — Травознайка потуже завязала платок, чтобы не свалился. — Донесут же. Ты чего приходила-то?

Ласса растерянно хлопнула ресницами раз-другой, не сразу вспомнила:

— На вот. — Она достала из кармана передника завернутый в тряпицу кусок пирога.

Таковые в Тяпенках на большие праздники пекли. Собирались всем миром, приносили с каждого двора кто что, топили в Старшем доме общинный очаг. Пирог получался огромный, не всякий в

одиночку унесет, да жирный. Крапивина матушка ради него самого большого гуся зарезала. Всем доставалось по куску, и по тому, румян тот кусок али подгорел, судили о судьбе. Своей судьбы Крапива не знала, ибо куска ей не досталось. Вернее, так Крапива мыслила. Ласса же протянула угощение и добавила:

— Тебя вчера не было, а я сберегла вот... Косо-бокий только остался, но зато погляди, какой румяный!

Редко когда Крапива от души бранила свою хворобу. Иной раз она и вовсе служила защитой, а не проклятием. Как сегодня поутру. Но, принимая от подруги дар, травознайка мыслила лишь о том, как хочется обнять Лассу крепко-крепко.

— Свежего ветра в твои окна, — тихо сказала она.

— Свежего ветра, — отозвалась Ласса.

* * *

Дома все осталось как положено. Молодшие братишки-лакомки еще спали, свесив босые ноги с полатей. Мать, поднявшаяся лишь немного позже Крапивы, не будила их — любимцы. Эти родились, богам на радость, здоровенькие. Тень одну лишь старшую дочь в темя поцеловала, одарив вместе с проклятием умением слышать травы. Крапива и сама любила братьев, жалея лишь о том, что не довелось никого из них покачать на руках. У одного из близнецов так и осталось на плече пятно: молодая да глупая, Крапива стукнула ревущего в колыбельке Мала. С тех пор ни к нему, ни к Удалу родичи ей близко подходить не позволяли.

Крапива едва успела нырнуть в избу да спрятаться за занавесью в женской половине, когда вошла мать. По обыкновению суетливая и непоседливая, она уже успела запачкать руки землей — работала в огороде.

— Крапива, ты?

— Я!

Девка как могла быстро распахнула сундук в поисках сменной рубахи, да не успела. Матушка уже отдернула занавеску да так и замерла с разинутым ртом:

— Ты что сделала?

Тут Лассиным платком не спасешься. Зоркая Дола и запачканную понёву разглядела, и порванную рубаху. Крапива сделалась красной, что вареный рак. А тут еще и любопытные братья встрепенулись на шум и выглянули проверить, не их ли ругают.

— Дай прикрыться... — негромко попросила девка.

— А что это? — Дола уперла ладони в бедра. — Как бесстыдничать, так она первая, а как матери показаться, так срам прикрыть норовит?! Ну-ка, что это у тебя? — Ловким движением она сдернула платок. — Чей?

— Лассин...

Дола скривилась:

— Велено же тебе, не водись с этой гульнёй! Молодая да ранняя, свою честь не сбережет и тебя дурному научит!

Крапива прикрыла грудь и грозно зыркнула на братьев. Те мигом спрятали вихрастые головы.

— Скажешь тоже, — пробурчала девка, натягивая новую рубаху.